

Шестилетний курс семинарии Никитин окончил в 1867 г. со званием студента в возрасте восемнадцати лет, что было в то время большой редкостью (обычно выпускникам было за двадцать лет). Уже в семинарии раскрылись его способности и трудолюбие, хотя его успехи в изучении богословских наук были оценены выше, чем знание латинского и греческого языков³. Никитин был рекомендован к поступлению в Санкт-Петербургскую духовную академию, но предпочел ей светскую карьеру; трудность была только в выборе специальности. Много лет спустя в 1900 г. Никитин вспоминал, что по окончании семинарии его увлекало изучение естественных наук и только настойчивые советы родителей побудили его посвятить себя изучению гуманитарных наук и «ему пришлось переубеждать себя и доказывать, что и изучение наук историко-филологических не менее важно и интересно, чем изучение наук естественных»⁴.

Учеба в Императорском Историко-филологическом институте

Окончание в 1867 г. Никитиным семинарии совпало с открытием в Петербурге Императорского Историко-филологического института — высшего учебного заведения, которое готовило преподавателей гуманитарных дисциплин для средних учебных заведений. Новый институт предлагал своим воспитанникам казенное содержание, и, по-видимому, именно это обстоятельство повлияло на выбор учебного заведения, который сделали за Никитина его не очень состоятельные родители. Никитин сам того

что, если бы из нашего новейшего общественного движения не вышло никаких благих последствий, кроме прогнания этой темной силы, то я все-таки возблагодарил бы судьбу»: Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 417. Л. 4 об.—5. Письмо от 31.07.1905.

³ Аттестат: воспитанник П. Никитин имеет от роду 18 лет, обучался в ней при способностях, прилежании и поведении отлично хороших, богословию: догматическому — отлично хорошо, нравственному — очень хорошо, пастырскому — весьма хорошо, гомилетике — очень хорошо, Священному писанию — отлично хорошо, Священной герменевтике — весьма хорошо, каноническому праву, церковному обрядословию — отлично хорошо, учению о вероисповеданиях — весьма хорошо и о русском расколе — отлично хорошо, патристике — весьма хорошо; церковной истории: библейской — очень хорошо, всеобщей и русской — отлично хорошо, педагогике — очень хорошо, катехизическому учению — отлично хорошо и учению о богослужебных книгах — очень хорошо, логике — отлично хорошо, психологии, словесности — весьма хорошо; гражданской истории: всеобщей — отлично хорошо, русской — весьма хорошо, математике — отлично хорошо, физике, естественной истории, сельскому хозяйству, медицине — весьма хорошо; языкам: латинскому, греческому — очень хорошо, немецкому — отлично хорошо... удостоен степени студента и уволен из семинарии, с назначением к поступлению в СПб духовную академию. 15 июля 1867 г.: ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 35. Л. 6 об.—7.

⁴ *Жебелев С. А.* П. В. Никитин (некролог) // ЖМНП. Нов. сер. 1916. Ч. 44. Август. С. 44.

не ведая попал в водоворот реформы среднего образования, проводимой гр. Д. А. Толстым.

Развитие среднего классического образования в России, на благо которого был создан Историко-филологический институт, имело противоречивую историю: периоды увлечения классической школой сменялись разочарованием и отказом от нее в пользу естественно-научной⁵. «Архитектором классического образования» в России справедливо называют графа С. С. Уварова, министра народного просвещения с 1833 по 1849 г., так как именно при нем в средней школе было усилено преподавание древних языков, греческого и латинского. Гимназии, образовавшиеся в это время, получили название «уваровских» и имели по крайней мере две цели: готовить учащихся к университету и «доставлять способы приличного воспитания».

Ошутимый удар по классическому образованию нанесли события 1848 г. в Западной Европе, после которых оно было заподозрено в политической неблагонадежности. Опасения, что учащиеся могут увлечься республиканскими идеями классического мира, и антипатия Николая I к греческому языку, усилившаяся под впечатлением революции 1848 г. в Германии и Австро-Венгрии, привели к тому, что в 1849–1852 гг. в России произошли крутые и решительные перемены во взглядах на гимназическое образование: в школьных программах греческий язык был потеснен законоведением и естественными науками, а преподавание латинского языка было крайне ослаблено. Однако отказ от классического образования не дал желаемых политических результатов, напротив, он привел к распространению нигилизма.

С середины 1860-х гг. правительство вновь вернулось к системе классического образования. Первый шаг к его возрождению был сделан министром А. В. Головинным (1861–1864), который ввел в 1864 г. новый «Устав о гимназиях». По новому уставу гимназии делились на классические (с греческим и латинским языками) и реальные, где вместо греческого языка

⁵ Подробнее об истории классического образования см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения в 1802–1902. СПб., 1902; *Шлид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878; *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. СПб., 1912; *Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1954; *Зайцев А. И.* В поисках возрождения // Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 4–10; *Вах К. А.* Классическое образование и его утверждение в России // Там же. С. 38–49; *Виттекер Ц.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; *Hans N.* History of Russian Educational Policy. 1701–1917. N.Y., 1931; *Aiston P. L.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, California, 1969; *Sinel A.* The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. Cambridge, Mass. 1973.

преподавали естествознание. Преобразования, начатые Головниным, довел до конца его преемник, министр народного просвещения в 1866–1880 гг., граф Дмитрий Андреевич Толстой. Толстой занял свой пост в 1866 г., через 10 дней после выстрела Д. В. Каракозова (4 апреля), именно в то время, когда на образование вновь стали смотреть как на главное средство искоренения вредных политических учений. Но если в 1848 г. страх перед революцией привел к уничтожению классического образования, то в 1866 г. те же политические причины побудили правительство его возродить и усилить.

В 1871 г. в гимназическом образовании окончательно восторжествовали принципы «классицизма». В результате реформы, проведенной «классическим» графом, как современники называли Толстого, звание гимназий удержали за собой только классические гимназии с двумя древними языками, и только их выпускникам был открыт доступ в университет. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища и должны были готовить юношество к приобретению технических знаний и практической деятельности.

Отличительными чертами организации гимназий, которые стали называться «толстовскими», были грамматический метод преподавания древних языков (это означало, что изучение грамматики проводилось через все классы до конца гимназического курса и упор был сделан на упражнения по переводу с русского языка на древние) и недопустимость никакой иной деятельности, кроме учебной. Число уроков латыни было доведено до 5–6 в неделю, а греческого до 6–7 (что составляло 60 % всего учебного времени), усилилось преподавание математики; напротив, количество занятий по русскому языку и истории сократилось. С 1875 г. курс обучения стал восьмилетним вместо семилетнего, кроме того, был учрежден специальный подготовительный класс (прогимназия). Всеми этими мерами Толстой хотел оградить университеты от наплыва малоспособных и неблагонадежных людей.

Готовя свою реформу, Толстой опирался на опыт гимназий Пруссии, поэтому она получила высокую оценку немецких ученых и педагогов, но в русском обществе вызвала настоящий шок и шквал негодующих отзывов в печати. Несмотря на крайнюю непопулярность реформ Толстого, основы созданной им системы оставались непоколебимыми до конца XIX в., и результатом широкого распространения классических языков явился не только расцвет научных дисциплин, тесно с ними связанных, но и общий подъем русской культуры в конце XIX — начале XX в.

Центральным вопросом любой реформы является вопрос о том, какими силами она будет проводиться. Учителей древних языков катастрофически

не хватало. Устав 1864 г. требовал введения в гимназиях греческого языка и усиления преподавания латинского языка, но из-за недостатка учителей-классиков министерство было вынуждено допустить существование «недоклассических» гимназий, с одним латинским языком, греческий же язык вводился в них постепенно, по мере появления учителей по этой дисциплине. После принятия устава 1871 г. число гимназий удвоилось. Ежегодная потребность в учителях древних языков возросла в несколько раз и составляла, по подсчетам Министерства народного просвещения, не менее 65 преподавателей в год.

В начале 1860-х гг. подготовка учителей-классиков была возложена главным образом на историко-филологические факультеты университетов и педагогические курсы при них, но они выпускали не более 20 человек ежегодно⁶. Поэтому в 1866 г. Толстой решился на чрезвычайную меру — привлечение в русскую школу иностранных специалистов — и рекрутировал в наши гимназии большое число дипломированных учителей древних языков из австрийских славян. Дополнительную подготовку, прежде всего по русскому языку, они проходили в Учительском институте славянских стипендиатов в Санкт-Петербурге⁷. Среди выпускников этого института были и хорошие педагоги, и просто наемники, чуждые русской жизни и коверкавшие в классе русский язык⁸.

Однако ни университеты, ни Учительский институт славянских стипен-

⁶ Общее число вакансий на все специальности во всех (семи) университетах было очень незначительным — 67. Педагогические курсы не пользовались популярностью: в стипендиаты принимали только выпускников университета и за очень скудное содержание от 300 до 350 руб. в год им предлагали просидеть на учебной скамье еще два года и по окончании курсов сдать экзамены. Находилось немного желающих подчиниться этим условиям, и далеко не все вакансии на педагогических курсах бывали заняты.

⁷ Учительский институт славянских стипендиатов (или Славянский учительский институт в С.-Петербурге) был создан в 1866 г. в Варшаве по инициативе Н. А. Милютинина вскоре после подавления Польского восстания и предназначался для привлечения в средние заведения Царства Польского «опытных и совершенно благонадежных учителей» из русских униатов, населявших Галицию и северную Венгрию, а также из словаков-лютеран, живущих в северной Венгрии (РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 8. Ч. 1. Л. 1). Уже при распределении 16 стипендиатов первого выпуска оказалось, что Царство Польское менее других учебных округов нуждалось в учителях. 4 июля 1867 г. институт был переведен в Петербург; и были приняты все меры предосторожности для того, чтобы вести это дело негласно и не возбуждать подозрительности австрийского правительства, которое вряд ли было довольно тем, что Россия импортирует к себе его педагогические кадры (РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 9. Л. 1–2. Конфиденциально. Попечитель Одесского учебного округа С. П. Голубцов — Д. А. Толстому 12.02.1876). Ежегодный прием в славянские стипендиаты колебался от 15 до 20 человек.

⁸ За все время существования института, с 21 января 1866 по 1 августа 1882 г., в нем обучалось 175 человек, а общее число окончивших составило 162 человека: РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230.

диатов не могли ежегодно готовить нужное число квалифицированных преподавателей древних языков и других гуманитарных дисциплин. Поэтому Министерство народного просвещения решило создать для этого специальное педагогическое заведение. Эта идея была не нова: в первой половине XIX в. подготовкой учителей по всем предметам занимались именно педагогические институты⁹. В Петербурге в 1804 г. был создан педагогический институт, рассчитанный на 100 человек, в 1816 г. получивший название Главного педагогического института и в 1819 г. преобразованный в Санкт-Петербургский университет. Однако уже в 1828 г. институт был восстановлен ввиду острой потребности в учителях. В институте было три факультета: 1) наук философских и юридических; 2) наук математических и физических и 3) наук исторических и словесных. После неоднократных и не всегда удачных преобразований¹⁰ институт был закрыт в 1859 г. Недостатки организации института и послужили причиной его закрытия: институту вменялось в вину то, что не все студенты соответствовали своему назначению, упущением считали и отсутствие педагогической практики. Заменявшие институт в 1860 г. педагогические курсы при университетах, как уже было сказано, не дали желаемых результатов. Поэтому в 1867 г. обстоятельства вынудили правительство возродить историко-филологический факультет педагогического института в виде самостоятельного учебного заведения.

В апрельской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» за 1867 г. были опубликованы «Предположения относительно учреждения филологического института в С.-Петербурге»¹¹. Безымянный автор, без сомнения, очень близкий министру, разъяснил основы устройства нового учреждения и его отличия от Главного педагогического института. Автор предполагал, что филологический институт будет проводить более тщательный отбор студентов и учредит гимназию, в которой будущие учителя могли бы приобретать педагогический опыт.

Министерство спешило открыть новый институт к началу нового учеб-

⁹ Первые педагогические институты, рассчитанные всего на 24 человека, были учреждены в 1804 г. при университетах Московском, Харьковском и Казанском, Виленском и Дерптском специально для приготовления учителей гимназии по всем дисциплинам.

¹⁰ Институт готовил не только учителей, но и профессоров; юридический факультет вовсе не готовил учителей и поэтому был упразднен в 1847 г.

¹¹ Предположения относительно учреждения филологического института в С.-Петербурге // ЖМНП. 1867. Ч. 134. Апрель. Совр. летопись. С. 61–74. В этом же и ближайшем майском номере помещен обширный исторический очерк о подготовке учителей в странах Западной Европы и в России: О приговлении учителей для гимназий и прогимназий // Там же. С. 190–219; Май. С. 526–614.

ного года, и его устав был утвержден Александром II уже 27 июня 1867 г. Название института было немного видоизменено по сравнению с первоначальным, и в уставе он назван Императорским Историко-филологическим институтом¹², имеющим цель «приготовление учителей древних языков, русского языка и словесности и истории для средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, а также, по сношению с сим министерством, и для других ведомств, которые пожелают содержать в институте своих стипендиатов»¹³. Историко-филологический институт, как и бывший Главный педагогический институт, был закрытым учебным заведением и был рассчитан на 100 воспитанников, состоящих на казенном содержании. Опыт показывал, что желающие посвятить себя учительскому труду обычно происходили из несостоятельных семей, и учредители нового института ориентировались именно на этот контингент, предлагая учащимся получить педагогическое образование при небольших материальных затратах. В институт принимали молодых людей, достигших 17-летнего возраста, которые окончили классическую гимназию или философский класс семинарии. Курс обучения был четырехлетним, и каждый выпускник института обязан был прослужить не менее шести лет в ведомстве Министерства народного просвещения по назначению министра. Выпускников направляли на учительские места даже в самые глухие города, в противном случае они должны были возместить свое содержание в институте из расчета 400 руб. в год.

Одновременно с учреждением института упразднялись педагогические курсы при университетах, и суммы, ассигнуемые на их содержание, более 90 тыс. руб., передавались институту. Сразу было подыскано и помещение для института, бок о бок с университетом, в здании бывшего учительского дома Кадетского корпуса по адресу Университетская набережная, 11¹⁴.

¹² После учреждения в 1875 г. второго историко-филологического института (в Нежине) название было видоизменено: Императорский Санкт-Петербургский Историко-филологический институт (ПИФИ). В 1918 г. ПИФИ был превращен в педагогический вуз, а в 1922 г. ликвидирован. ПИФИ дал трех действительных членов Академии наук: Никитина, В. В. Латышева и А. В. Никитского, таких деятелей отечественного просвещения, как С. Н. Жданова, Н. И. Новосадского, А. И. Маленина, А. И. Успенского, Б. В. Варнеке, и десятки рядовых полезных гимназических работников.

¹³ Памятная книжка Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института и гимназии при оном. 1867–1887. СПб., 1887. С. 1.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–4 об. О доме, уступленном от военного министерства под помещение Историко-филологического института. Этот дом — бывший дворец Петра II, сейчас в нем находятся филологический и восточный факультеты Санкт-Петербургского государственного университета. Подробнее см.: *Ендольцев Ю. А.* «Дворец Петра II» (Университетская набережная, 11). События и люди. М., 2002.

Институт был поставлен в непосредственное подчинение министру народного просвещения. Первым директором института 4 июля 1867 г. был назначен сорокадевятилетний И. Б. Штейнман — ординарный профессор Петербургского университета, умный и деятельный администратор, человек строгой немецкой дисциплины¹⁵. Как член Ученого комитета Министерства народного просвещения, Штейнман принимал самое непосредственное участие в подготовке гимназической реформы 1871 г., а в начале 1868 г. он был назначен членом Совета министра народного просвещения, с сохранением за ним должности директора института.

В разгар лета объявили о приеме студентов в новый институт, и 7 июля 1867 г. министр народного просвещения разослал в епархии и учебные округа циркуляр с просьбой подать сведения о возможных кандидатах. В министерстве относились очень ответственно к отбору первых студентов институтов, потому что «успех и процветание филологического института главным образом зависели от качества тех молодых людей, которые впервые будут выбраны для приема в институт и от которых необходимо ожидать, что они добрые свои качества передадут своим товарищам», а «своим благонаравием и любовью к наукам они имели бы то доброе влияние на своих товарищей, которое так необходимо для возникающего заведения и важно по последствиям для будущих учителей и наставников»¹⁶.

Все поступающие подвергались поверочным испытаниям, прежде всего по древним языкам. При приеме воспитанников следили также за тем, чтобы «состояние здоровья и телосложение их было вполне благонадежным»¹⁷. Одним из первых прошение о приеме в ИФИ подал Никитин, который выдержал поверочные испытания «с отличным успехом»¹⁸. Одна-

¹⁵ Штейнман Иван Богданович (1829–1872), выпускник С.-Петербургского университета (1840 г.), завершил свое образование в Берлинском и Лейпцигском университетах. В 1845 г. он защитил магистерскую диссертацию «Plutarchi symposicarum quaestionum ultima», в 1846 г. в Главном педагогическом институте представил докторскую диссертацию pro venia legendi (на право читать лекции), а в 1851 г. был утвержден в степени доктора философии и древней филологии. В 1846–1852 гг. он был учителем латинского языка во Второй С.-Петербургской гимназии, с 1853 г. — ординарным профессором Главного педагогического института по кафедре греческой словесности и экстраординарным профессором университета, а после закрытия Главного педагогического института в 1859 г. получил ординатуру в университете. В 1857–1867 гг. Штейнман был директором Главного немецкого училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра. См.: Некролог И. Б. Штейнмана // ЖМНП. 1872. Ч. 160. № 4. С. 164–166; ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 38–46. Формулярный список И. Б. Штейнмана.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 2 об.–3.

¹⁷ Памятная книжка Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института и гимназии при оном. 1867–1887. СПб., 1887. С. 34.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–2.

ко очень немногие претенденты удовлетворяли требованиям вступительного экзамена, и 20 сентября министерство их ослабило, решившись на первый раз допустить в институт молодых людей, не учивших греческий язык, если по латинскому их знания были оценены как весьма удовлетворительные¹⁹.

Желающих поступить в институт набралось в общей сложности 156 человек, из них даже заниженным требованиям условий приема удовлетворяли только 28²⁰. Состав поступивших был довольно разношерстным: в институт перевелись 1 студент Петербургской духовной академии, 1 студент Дерптского университета и 3 студента Петербургского университета, 1 бывший учитель уездного училища, выдержали экзамен 5 выпускников гимназий и 17 воспитанников духовных семинарий, которые составили подавляющую часть студентов²¹.

Вступительные экзамены затянулись до глубокой осени, и первый учебный год начался со значительным опозданием, 27 ноября. Первые два курса были общими для всех студентов и включали в себя основные предметы историко-филологического факультета, но с преобладанием греческой и римской словесности, которая предусматривала углубленное изучение грамматики, чтение авторов, историю литературы и древностей. Кроме того, студенты изучали всеобщую и русскую историю, философию, историю русской словесности, русский, церковнославянский, французский и немецкий языки, закон Божий, географию и педагогику²².

Специализация студентов происходила после второго курса и следующие два года обучение проходило по трем разрядам: древних языков, русской словесности и истории. В конце каждого курса проводились переводные экзамены, причем переэкзаменовки не допускались и студент, провалив-

¹⁹ Там же. Д. 4.

²⁰ Время основания института совпало с переходом в ведение министра народного просвещения Учительского института славянских стипендиатов. Поэтому вполне естественно возникла мысль о привлечении в институт молодых австрийских славян. Министерство полагало, что они могли бы «внести в институт дух серьезной школы ими пройденной, и сами, в свою очередь, обрусели бы в обществе своих русских соотечественников»: РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 13. Л. 37 об. Отчет об Учительском институте славянских стипендиатов за время с 21 января 1866 года по 1-е января 1870 года.

²¹ Отчет о составе, учителях и состоянии Императорского Историко-филологического института за первый учебный год от 27 ноября 1867 по 1 мая 1868 г.: ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.

²² По философии, всеобщей истории, церковнославянскому языку было по 3 лекции в неделю, на историю русской словесности, русскую историю приходилось по 2 лекции, и одна на закон Божий: ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 78. Л. 1. Отчет о составе, учителях и состоянии Императорского Историко-филологического института за первый учебный год от 27 ноября 1867 г. по 1 мая 1868 г.

ший экзамен, безжалостно отчислялся. Впрочем, это происходило крайне редко, потому что установленный над студентами неусыпный контроль позволял заранее выявлять отстающих, которых педагоги всеми силами заставляли догнать своих товарищей. Специально для педагогической практики студентов при институте в 1870 г. была открыта гимназия с двумя древними языками.

С первых дней работы института в нем был сформирован сильный педагогический состав. Профессором греческой словесности был назначен К. В. Кедров²³, сменивший в 1872 г. И. Б. Штейнмана на посту директора; преподавателями латинского языка были Р. А. Фохт²⁴ и Ионин²⁵. Профессором русского языка был Н. П. Некрасов, он же был назначен инспектором института; философию читал будущий ректор университета М. И. Владиславлев, всеобщую историю — ученик М. С. Куторги, профессор Петербургского университета Н. А. Астафьев, русскую историю — будущий академик К. Н. Бестужев-Рюмин, историю русской литературы — составитель известной школьной хрестоматии А. Д. Галахов. Студентам помогали в их

²³ *Кедров Константин Васильевич* (1827–1903) родился в Гатчине в семье протоиерея, выпускник Главного педагогического института, служил учителем древних языков и истории в Новгородской (1848–1852) и 3-й Санкт-Петербургской гимназии (1852–1867), которая считалась самой «классической» и выпустила немало филологов-классиков; одновременно он преподавал русский язык и историю в Мариинском училище, где был инспектором; в 1867–1872 гг. — ординарный профессор греческой словесности Имп. Историко-филологического института, а с 1872 до 1903 г. — директор института. См. о нем: *Зоргенфрей Г.Г.* К. В. Кедров (Некролог) // ЖМНП. 1903. Ч. 350. Январь. Отд. 4. С. 159–163. А. В. Никитский, выпускник 1882 г., отмечал авторитарность Кедрова: «Лица любого положения — и студенты, и учителя, и представители инспекции, и профессора — чувствовали всегда зависимость от единой сильной воли К. В. Кедрова, как бы мы, окончившие при нем курс, ни уважали его безусловную честность и доброжелательность»: *Никитский А. В.* Василий Васильевич Латышев. 1855–1921 // ВДИ. 1972. № 4. С. 187.

²⁴ *Фохт (Vogt) Рихард (Richard) Августович* (1834–1911) родился в Германии, учился в Эрлангенском и Лейпцигском университетах; в 1871 г. Гельсингфорским университетом удостоен степени доктора философии за диссертацию «De quarto Propertii libro». В 1860 г. он был приглашен на службу в Санкт-Петербургское училище при лютеранской церкви св. Анны и 15 лет преподавал в нем древние языки. Осенью 1867 г. Фохт был назначен преподавателем латинского языка и наставником студентов в Имп. Историко-филологический институт. В 1875 г. перешел ординарным профессором в открывшийся тогда Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине, где прослужил до 1892 г.

²⁵ *Ионин Александр Осипович (Иосифович)* (1835 или 1834–1882) окончил Петербургский университет в 1857 г., преподавал в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, завершил свое образование в Берлине и Бонне. Темой магистерской диссертации он избрал греческое влияние на поэзию Горация, но диссертацию так и не защитил. В 1867–1875 гг. был преподавателем латинского языка Имп. Историко-филологического института, вел занятия латинского языка на двух младших курсах, на старших курсах читал историю римских государственных древностей, приготовил свои чтения к печати, но не издал их; в последние годы жизни был приглашен и в университет. См. о нем: *Помяловский И. В.* Александр Осипович Ионин (Некролог) // ЖМНП. 1883. Ч. 225. Январь. С. 59–62.

занятиях наставники, которым было доверено и наблюдение за их нравственностью: А. Д. Вейсман²⁶, В. В. Игнатович, Р. А. Фохт.

Основой учебного курса служили древние языки, и тон в институте задавали профессора и преподаватели именно этих дисциплин. На первом курсе на греческую и римскую словесность отводилось наибольшее количество учебных часов, по 5 обязательных и по 3 дополнительных лекции еженедельно. Дополнительные занятия предназначались для тех выпускников духовных семинарий, которые поступили в институт без знания греческого языка и за короткое время должны были усвоить элементарную грамматику и догнать своих сокурсников. Первый учебный год был короче обычного на три месяца, и, чтобы наверстать упущенное, и профессора и студенты должны были проявлять исключительное усердие.

Преподавание древних дисциплин велось на латинском языке (остальные предметы читались по-русски). Деспотичный Кедров постоянно донимал студентов репетициями, переводами с русского и латинского на греческий язык, домашними чтениями и сочинениями и требовал от них неустанной работы, потому что, по его убеждению, «молодые люди, в продолжение четырех лет *всецело содержимые* на трудовые деньги русского народа, возможно добросовестнее должны были использовать свое пребывание в стенах института для приобретения специальных знаний, саморазвития и педагогической подготовки»²⁷. Большой строгостью отличался и Фохт, рьяный пурист классической латыни, в глазах которого ошибка в латинском обороте была равносильна преступлению; требовательны, хотя и мягче, были Вейсман и Ионин.

В институте царила свойственная немецкой школе атмосфера бескорыстного умственного труда, трудолюбия и дисциплины, к созданию которой был причастен в первую очередь великий эллинист академик Август Карлович Наук²⁸. С его именем ассоциируется прежде всего издание греческих

²⁶ Вейсман Александр Давидович (1834–1913), выпускник Главного педагогического института, ученик И. Б. Штейнмана и Н. М. Благовещенского, педагогическую деятельность начал в Вологодской гимназии и в 1-й Казанской гимназии, с 1867 г. наставник студентов, с 1872 по 1894 г. профессор греческой словесности в Имп. Историко-филологическом институте, в 1867–1883 гг. преподавал в Учительском институте славянских стипендиатов, в 1880–1910 гг. сотрудник ЖМНП; главный труд Вейсмана — «Греческо-русский словарь», выдержавший 5 изданий (СПб., 1879–1899). См. о нем: Черняев П. А. Д. Вейсман (Некролог) // ЖМНП. 1914. Ч. XLIX. С. 90–95.

²⁷ Зоргенфрей Г. Г. К. В. Кедров (Некролог) С. 162.

²⁸ Наук Август Карлович (1822–1892) родился в Германии и в 1841–1846 гг. учился в Галле; его первым значительным трудом было издание фрагментов александрийского грамматика Аристофана Византийского (1848); за изданием трагедий Еврипида (1854) последовало издание фрагментов греческих трагических поэтов (1859). Молодой ученый, не

трагических поэтов. Наук поступил в институт в 1869 г. профессором греческой словесности и вел занятия на двух старших курсах у студентов, избравших, как Никитин, своей специальностью древние языки. Наук оказал на Никитина наибольшее влияние, и ученик посвятил памяти своего учителя трогательный некролог.²⁹ Наук довел некоторых своих учеников до той степени знания, которой он сам достиг в одной из лучших классических школ Германии *Schulpforta*, когда, по словам Никитина, «обильное и точное чтение произведений классических литератур становится источником поучения и наслаждения»³⁰.

Наук преподавал греческую метрику, избранные отделы греческого синтаксиса, греческие государственные древности, руководил упражнениями в переводах с латинского на греческий и с русского на латинский и проверял домашние задания студентов по чтению греческих авторов³¹. Латинская речь Наука была «простая, ясная, плавная, без анаколуфов, без тех запинаний и припадков задумчивости, которые являются, когда человек ищет выражений и не находит... В тоне голоса слышалась спокойная твердость уверенного в себе знания»³². Профессор иногда повышал голос и обрушивал поток негодующей латыни на слушателей, если кто-нибудь из них, «некстати памятливым, не в добрый час вспоминал ту мудрость, которую некогда со многими слезами и мучениями усвоил в духовном

дождавшись достойного его таланту положения у себя на родине, в 1859 г. переехал в Петербург, будучи избранным в Академию наук. См. о нем: *Никитин П. В.* Август Карлович Наук (некролог) // ЖМНП. 1892. Ч. 285. Январь. С. 22–52; [*Zielinski Th.*] August Nauck // *Biographisches Jahrbuch für Altertumskunde*. 1893. 16 Jahrgang. S. 1–65. Подробнее о нем и его сотрудничестве с Никитиным см. в главе I второй части.

²⁹ Некролог помещен в Приложении 1.

³⁰ *Никитин П. В.* Август Карлович Наук (некролог). С. 32.

³¹ В архивных делах сохранилась программа чтений студентам 3-го курса по предмету греческой и римской словесности в 1869/70 гг., составленная А. Науком:

I. Греческая словесность.

1. Объяснение трагедии Софокла «Царь Эдип», с введением, в котором будет изложена жизнь Софокла, устройство греческого театра и сценических представлений.

2. Греческие древности: а) древности государственные: греческие племена. Форма правления. Дорьяне (остров Крит и Спарта). Афины (Царская власть. Солон. Писистрат. Клисфен. Демократия. Буле и народ. Суды. Должностные лица. Литургии. б) Древности богослужебные. Храмы. Жертвоприношения. Общественные игры. Празднества. Календарь. в) Отдельные главы древностей частных. Воспитание и образование. Одежда. Меры, веса, монеты.

3. Переводы с латинского на греческий.

II. Римская словесность.

1. Объяснение избранных посланий Горация.

2. Письменные упражнения латинских сочинений на заданные темы: ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 79. Л. 27.

³² *Никитин П. В.* Август Карлович Наук (некролог) С. 35.

училище, — произносил одну из тех глагольных форм, которые откуда-то известны были составителям греческой грамматики для духовных училищ, но неведомы были ни одному из древних греческих писателей»³³.

Наука побудил Никитина выбрать греческую часть классической филологии главным предметом своих занятий и заставил своего ученика попытаться силы в области конъектуральной критики. Никитин вспоминал, что время от времени по окончании лекции Наука писал на доске какое-нибудь место из автора и предлагал исправить закрашующуюся в рукописное чтение ошибку. Наука всегда предлагал своим слушателем только такие задачи, решение которых им самим было уже найдено. Однажды Никитин к великой радости учителя верно угадал конъектуру, предложенную самим Науком в 1867 г.: *avegna* вместо *eburna* в шестой книге «Энеиды»³⁴. На занятиях Наука была заложена основа широкой начитанности Никитина в произведениях античных авторов которая впоследствии помогала ему распознавать и исправлять погрешности текста.

Институт привлек к преподаванию еще одного представителя немецкой филологической школы, латиниста Л. А. Мюллера. Для переговоров с Мюллером³⁵ в 1870 г. в Германию поехал директор института Штейнман, чтобы передать ему приглашение гр. Толстого занять кафедру латинского языка и римской словесности³⁶. Мюллер, доцент Боннского университета, был известен как издатель произведений Горация и Катулла. Его коньком была метрика, и уже в 26 лет он издал важный труд в этой области, «*De re metrica poetarum latinarum praeter Plautum et Terentium libri septem*» (Lipsiae, 1861).

Мюллера привлекло в Россию то, что институт готовил учителей для гимназий, а это дело он считал первой обязанностью профессора-классика. В России Мюллер сейчас же заметил недостаток серьезных учебников и поэтому немедленно приступил к их составлению. Специально для студентов Историко-филологического института он сделал извлечение из своей книги о метрике³⁷.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 34. Речь идет о ст. 898: *portaque emittit eburna: Nauck A. Kritische Bemerkungen. V. // MGR. 1869. Т. III. Livr. 1. P. 89–98.*

³⁵ Мюллер Лукиан Адамович (1836–1898), ученик А. Мейнеке, А. Бека, М. Гаупта и Фр. Ричля. См. о нем: Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер // ФО. 1898. Т. XIV. Кн. 2. С. 173–199.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

³⁷ *Rei metricae praeter Plautum et Terentium summarium*. Petropoli, 1878; в 1880 г. он издал краткое руководство «*Metric der Griechen und Römer*» (есть русский, английский, итальянский, голландский переводы).

Мюллер читал лекции по истории римской литературы и занимался со студентами комментированным чтением Горация, Вергилия, Катулла. Все лекции велись на латинском языке (латынь стала для самого Мюллера родным языком чуть ли не на школьной скамье), и малейшая попытка студентов воспользоваться русским языком встречала отпор в добродушном «не понимаю по-русски»³⁸.

По отношению к другим ученым он был беспощадный судья и злой критик, и коллеги обвиняли его в заносчивости и самохвальстве. Даже доброжелатели Мюллера, к числу которых принадлежал его ученик Б. В. Варнеке, вынуждены были признать, что его литературная деятельность была бы «еще привлекательнее, не будь в характере Лукия Адамовича чрезмерной самоуверенности, которой обуславливалось его подчас излишнее презрительное отношение к чужим работам»³⁹.

Возможность учиться у таких знатоков, как Наук и Мюллер, была едва ли не главным преимуществом института перед университетом, куда доступ ученым немцам, плохо владевшим русским языком, был закрыт. В остальном спартанский уклад жизни института не шел ни в какое сравнение с либеральной атмосферой университетов, получивших автономию по уставу 1863 г. В институте поддерживался режим, который отличался, по словам Ростовцева, «железной дисциплиной, монастырскими общежитиями и автократическим управлением»⁴⁰. Тяжелы были и казарменная жизнь в «камерах», вмещавших от трех до восьми человек, и железный распорядок дня⁴¹, и отсутствие какой бы то ни было роскоши в еде⁴², и невозможность свободно отлучаться из института⁴³. Воспитанники семинарий, а их в первые годы существования института было подавляющее большинство, нередко имели грубые нравы, хотя и среди них встречались благо-

³⁸ Варнеке Б. В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 182.

³⁹ Там же. С. 198.

⁴⁰ Ростовцев М. И. Университеты и большевики // Избранные публицистические статьи: 1906–1923. М., 2002. С. 97.

⁴¹ Вставали в 7 часов, лекции начинались в 9 ч. и продолжались до 14 ч.; с 16 ч до 18 ч. были дополнительные лекции, в 23 ч. ложились спать.

⁴² Утром и в 18 ч. — чашка чая с булкой, в 11 ч. — ломоть хлеба с солью, в 14 ч. — обед из трех блюд, в 21 ч. — одно блюдо на ужин, питье — квас и вода.

⁴³ Отлучаться из института студенты могли с 14 ч. в будние дни, в праздничные и воскресные дни с 9 часов утра. Для этого они должны были получить у дежурного наставника номерную марку, которую отдавали швейцару для получения одежды. Разрешение ночевать вне института мог дать только директор. Студентам строго воспрещалось принимать кого бы то ни было, едва ли не главным преступлением считалось участие в тайных обществах. См.: Памятная книжка Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института и гимназии при оном. 1867–1887. СПб., 1887. С. 24–35.

воспитанные молодые люди, такие как Никитин. «Семинаристы — слишком коренные русские люди, чтобы не придать русскую окраску всякому месту, где они появляются» — так отзывался о них В. В. Розанов в 1901 г.⁴⁴

Примирить с суровыми порядками института помогало лишь понимание того, что в их основе все-таки лежала справедливая мысль, которую позже сформулировал Зоргенфрей: «Будущие воспитатели подрастающего поколения должны были прежде всего самих себя приучить к порядку и исполнительности, а затем их ожидала такая суровая, тяжелая жизнь в будущем в каком-нибудь захолустном городишке, что жизнь и устройство привилегированного учебного заведения не могли служить институту примером»⁴⁵. Несомненно, что воспитанники института за время учебы привыкали уважать жизнь, исполненную трудов.

Студентам, успешно окончившим курс института, предоставлялось звание учителя гимназии, которое давало все права кандидатов университетов. Никитин окончил курс первым студентом по даровитости, прилежанию и способностям к науке. В аттестате по всем предметам стоят «отличные» отметки и только преподавание в гимназии оценено как «удовлетворительное»⁴⁶. Последнее обстоятельство ничуть не помешало его назначению во Вторую Санкт-Петербургскую гимназию.

Первый выпуск Историко-филологического института как раз подоспел ко времени введения нового устава гимназий в 1871 г. и целиком был распределен по гимназиям страны. Институт окончили 25 человек (восемь человек по разряду древних языков, 10 человек по разряду русской словесности и 7 — по разряду истории). Вместе с Никитиным разряд древних языков окончили В. В. Мусселиус, который впоследствии преподавал латинский язык в университете и в родном институте и известен своим латинско-русским словарем, и А. Ф. Абрамов, будущий преподаватель Нежинского историко-филологического института; профессором этого института станет выпускник разряда истории С. Н. Жданов, а его товарищ по разряду М. И. Аквилонов — заведующим гимназией при ПИФИ. Удачную карьеру сделали и некоторые другие сокурсники Никитина: М. С. Алю-

⁴⁴ Розанов В. В. Слово Божие в нашем учении // Около церковных стен: Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 74.

⁴⁵ Зоргенфрей Г. Г. К. В. Кедров (Некролог). С. 162.

⁴⁶ Аттестат: Никитин при отличном поведении показал на испытаниях следующие знания, в Законе Божьем, философии, педагогике и дидактике, греческой словесности, римской словесности, русской словесности, церковно-славянском языке, всеобщей истории, русской истории, французском и немецком языках отличные. По преподаванию в гимназии успехи удивительные. 19 июня 1871 г. Предоставлено звание учителя гимназии, дающее все права кандидатов университетов: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8023. Л. 20.

хин, П. П. Зеленецкий, А. П. Пятницкий, А. Е. Соловьев стали директорами гимназий, а М. А. Андреянов дослужился до директора департамента Министерства народного просвещения⁴⁷.

Начало педагогической деятельности

Ровно два года, с 1 июля 1871 г. до 1 июля 1873 г., Никитин прослужил во Второй Санкт-Петербургской гимназии. Основанная в 1805 г. под именем Санкт-Петербургской губернской гимназии она была уже почтенным учебным заведением с богатыми традициями⁴⁸. В первые годы существования гимназии в ней преподавал Фр. Грефе, академик, друг и наставник С. С. Уварова, а инспектором был «архипедогог» Ф. И. Миддендорф⁴⁹, будущий директор Главного педагогического института. Расцвет гимназии после ее окончательного преобразования в 1830 г. был связан с именем ее директора А. Ф. Постельса (1837–1856), который был по специальности географом и в 1829 г. совершил кругосветное путешествие под командованием Ф. П. Литке⁵⁰. Выпускниками гимназии были геолог А. А. Иностранцев, юрист А. Ф. Кони, историк русской литературы Л. Н. Майков; здесь получила образование академическая династия Фусов, а позже династия Лансерэ-Бенуа.

Когда в гимназиях в конце 1860-х гг. восторжествовал классицизм, директорами и инспекторами стали назначать преимущественно филологов-классиков. Эти преобразования коснулись и Второй гимназии: в 1868–1874 гг. ее директором был латинист К. А. Скворцов, которого сменил другой сторонник классической системы образования К. И. Смирнов, руководивший гимназией следующие 25 лет.

Введение нового устава побудило Совет гимназии в виде эксперимента возложить преподавание латинского и русского языков в I классе на одного

⁴⁷ Пятидесятилетие Петроградского Историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс Института. Ч. 1. Выпуски I–XXIII (1871–1893) / Под ред. В. В. Латышева. Пг., 1917. С. 1–24.

⁴⁸ В 1822 г. гимназия была преобразована в Высшее училище, а в 1830 г., когда все гимназии получили номера, Высшее училище было переименовано обратно в гимназию, и ей был присвоен второй номер. На протяжении всего времени своего существования, вплоть до нынешнего времени, гимназия находилась на углу Большой Мещанской улицы (ныне Казанской, 27/12, в недавнем прошлом ул. Плеханова) и Демидова переулка (ныне Гривцова).

⁴⁹ Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. Ч. 1. Первые 25 лет существования гимназии. 1815–1823. СПб., 1880. С. 83, 125, 128.

⁵⁰ А. Ф. Постельс вместе с Ф. И. Рупрехтом описал водоросли, собранные во время этой экспедиции: *Postels A. et Ruprecht F. Illustrationes Algarum in itinere circa orbem. Lipsiae, 1840.*